

Россия сделала свой мультикультуральный выбор. Историческая логика развития народов, республиканских, региональных полиэтнических, поликультурных сообществ, свидетельствует в пользу интегративного варианта мультикультурализма, когда каждая культура, каждая региональная столица будет рассматривать себя важной частью, олицетворением единого политического, культурного и социального пространства России.

Вывод:

1. Риторика негативных последствий мультикультуральности является разрушительной для России.

Меренков А.В.

г. Екатеринбург

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАКАЗАНИЙ

Во все времена люди сталкивались с тем, что часть индивидов не принимали те нормы, правила осуществления каких-либо действий, которые требовал социум. Взаимодействие с предметным миром, различными людьми осуществлялось человеком под влиянием иных, не соответствующих предписаниям побуждений. Наказания за нарушения моральных, правовых норм часто не давали желаемого результата. Возникал т.н. рецидив девиантного поведения. Усиление наказаний чаще всего не приводило к исправлению тех, кто нарушал законы совместной жизни людей.

Анализ истории развития культуры показывает, что усложнение технических систем, которыми человеку приходится пользоваться в повседневной жизни, норм и правил общения с людьми в трудовой, семейно-бытовой, общественной жизни ведет к увеличению числа тех индивидов, которые нарушают не только новые, но и давно существующие предписания, регулирующие жизнедеятельность современного человека. СМИ

информируют о росте преступлений на дорогах, промышленных предприятиях, в быту, сфере управления и т.д.

Формы морального воздействия на тех, кто не соблюдает требования социума, уже рассматриваются как неэффективные. В этом одна из причин того, что моральное регулирование поведения человека почти исчезло. Уже редко обращаются к стыду, совести личности, когда она что-то нарушает. Почти перестали говорить о ценности принципиальности, честности, порядочности. Эти качества фактически перестали воспитывать как в семье, так и школе. Средства массовой информации, современные произведения искусства уже не обсуждают проблемы нравственного развития человека. Осталась лишь надежда на действенность правовых регуляторов. Поэтому принимаются все более жесткие законы, усиливающие наказание, например, за нарушение правил уличного движения, продажу наркотиков, спиртных напитков несовершеннолетним, коррупционные действия, однако их результативность пока весьма низкая.

Власть, ощущая бессилие в борьбе с теми, кто нарушает различные нормы и правила, начинает внедрять новые формы т.н. «профилактики» отклоняющегося поведения, когда каждого человека фактически рассматривают как потенциального преступника. Нас обыскивают в аэропорту, устанавливают видеокамеры в школах, учреждениях профессионального образования, в больницах, в помещениях, где проводятся какие-либо заседания, на избирательных участках, в подъездах домов. Мы уже следим из своего автомобиля за другими водителями с помощью видеорегистратора. Ретивые борцы за соблюдение законов предлагают в кабинете любого начальника ставить видеокамеру, поскольку каждый руководитель является «замаскированным взяточником».

Считается, что преступниками могут быть абсолютно все: от школьника до президента. Незаметно общество начинает жить по всеобщим законам страха, недоверия, подозрения, всеобщей слежки. Утверждается принцип: «нет людей, принявших нормы культуры, есть только те, кто пока

не пойман за их нарушения». Медленно, но последовательно, мы скатываемся в тот мир, который описал Д. Оруэлл в своем романе «1984 год». Остается только дома в каждой комнате установить видеокамеры, что уже делают некоторые граждане, подсматривая за своими родственниками. Развитие демократии с помощью современной техники слежения превращается в свою противоположенность - тоталитарный режим под видом борьбы с преступностью.

Однако тюрьмы уже переполнены. Надежда на то, что временная изоляция может исправить человека является призрачной. Повторные преступления совершаются значительной частью тех, кто недавно вышел из мест лишения свободы. В связи с этим возникает проблема эффективности как современных технических средств т.н. «профилактики» преступлений, так и действенности самой системы наказаний в виде лишения человека на тот или иной срок свободы.

Традиционно система наказаний строится на двух факторах: страхе человека лишиться свободы и тяжести самого пребывания в изоляции. При этом во все времена считалось, что за более тяжкое преступление необходимо увеличивать как длительность наказания, так и условия существования злостного нарушителя закона. Само наказание не всегда прямо связывалось с содержанием самого преступления. Когда-то в некоторых странах, например, за воровство отрубали руку, хотя было бы более обоснованным изъять в пользу потерпевшего имущество вора, а при отсутствии такового заставить его вернуть своим трудом жертве соответствующую сумму. Когда за убийство лишали жизни самого преступника, то существовала некая адекватность наказания содеянному проступку. В условиях гуманизации общественной жизни заменили смертную казнь для части преступников на пожизненное заключение, хотя с этим не согласны родственники жертв убийств. При этом количество тех, кто лишает людей жизни по злему умыслу не сокращается.

Ситуация связанная, с одной стороны, с усилением мер по т.н. профилактике правонарушений, а, с другой стороны, низкой эффективностью многих видов наказаний, побуждает разобраться в самих механизмах изменения ориентаций и установок на освоение норм культуры у тех людей, которые их нарушают. Если рассмотреть практику ограничения свободы человека за совершенные им преступления, то обнаружится следующее. Во-первых, срок наказания не находится в прямой зависимости от самого содержания преступных действий. За воровство, нанесения вреда здоровью можно получить примерно одинаковое наказание. Во-вторых, при определении наказания вообще не учитывается степень готовности преступника к освоению норм культуры. Никогда не указывается на то, что для разрушения установки, например, на воровство в крупном размере требуется 15 лет, а при краже на небольшую сумму всего лишь 2 года. При этом за данный срок пребывания в местах заключения еще должна сформироваться ценностная ориентация на обязательное соблюдение неприкосновенности чужой собственности.

Если изначально при определении наказания не выясняется возможность принятия индивидом тех норм и правил, на основе которых существует общественная жизнь, то каков смысл самого ограничения свободы на конкретный период времени? Когда отсутствуют какие-либо обоснованные представления о том, что человек, выйдя из тюрьмы, станет законопослушным, то его вообще нельзя выпускать на свободу. Такое мнение принято только в отношении тех, кому дают пожизненное заключение. Однако и в этом случае логика законодателя весьма странная. Если он убежден в том, что преступник никогда не будет принят социумом, то каков смысл сохранять ему жизнь? Она в этом случае перестает носить собственно социальный характер, т.к. взаимодействия с другими людьми отсутствует. Человек живет как некое животное и не более. Человечно ли относиться к нарушителю закона как к скотине, сохраняя ему жизнь?

При этом отсутствует четкая связь данного наказания с количеством тех людей, которых преступник лишил жизни. При осуждении значительной части убийц считается, что они могут быть выпущены на свободу после некоторого срока ограничения свободы без какой-либо проверки степени сформированности у них устойчивой установки на неприкосновенность человеческой жизни. Отсутствует даже попытка выяснить индивидуальные характеристики возможности освоения личностью конкретных норм права, морали. Чисто механически когда-то в прошлом, при отсутствии знаний о закономерностях, механизмах освоения человеком культуры, были выработаны представления о тяжести наказаний. Они до сих пор сохраняются не только в судебной практике, но и в общественном сознании, хотя социальная антропология, социология, психология, педагогика, а последнее время и генетика, уже достаточно глубоко изучили процессы, определяющие становление ориентаций и установок личности на освоение конкретных норм культуры.

Особенно ярко ограниченность как теоретических представлений о смысле и содержании наказаний, так и реальной практики осуждения за преступления выявились в ходе роста в наше время насильственных действий сексуального характера в отношении детей. Выходя из тюрьмы, к тому же нередко досрочно, такие извращенцы вновь совершали подобные преступления. Ужесточение срока их пребывания в тюрьме не является гарантией перестройки их сознания и поведения. В местах заключения никто не занимается изменением активности некоторых инстинктов индивида, его ценностных ориентаций и установок, включая те, которые связаны со значимостью для него свободы. Она нередко для таких людей вообще не имеет какой-либо ценности, поскольку легко подавляется бессознательными побуждениями к удовлетворению животных желаний. Соотношение в поведении преступников природного и культурного не интересует ни судей, ни надзирателей. Одни не задумываются, руководствуясь положениями закона, о том, что и как изменится в поведении преступника после окончания

срока назначенного ему наказания, а другие следят только за тем, чтобы он не сбежал. У них отсутствует задача отслеживать процесс перестройки системы детерминации того поведения, которое не соответствует требованиям культуры. Такая, не имеющая какого-либо научного обоснования, система наказаний сохраняется в 21 веке в условиях масштабного изучения человека разными науками.

Ситуация бессмысленности нынешней формы пребывания в тюрьме заключается также в том, что отсутствует возможность выявить на практике те изменения в ценностных ориентациях и установках, которые обеспечивают принятие личностью как норм права, так и морали. Давно доказано, что человек законопослушен, когда на уровне своих моральных представлений он принимает конкретные требования социума. Нравственные нормы осваиваются только в процессе соединения воспитания с самовоспитанием. Формальное выполнение моральных предписаний ведет к тому, что попадая в ситуацию отсутствия контроля со стороны, человек может их нарушить. Самоконтроль, принятие в процессе саморазвития совокупности моральных норм обеспечивают возникновения у личности внутреннего запрета, не позволяющего нарушать требования права.

Следовательно, система наказаний должна запускать процесс *саморазвития* личности, который при ограничении свободы индивида автоматически не осуществляется. Становление ориентаций и установок на должные действия происходит в два этапа: самостоятельное разрушение человеком господствующих в его психике стереотипов асоциальных действий, имеющих как природное, так и социокультурное основание, а затем выработка личной ценности нормативного поведения. Оно должно стать внутренней необходимостью индивида, несущего груз преступлений.

Возникает проблема изучения закономерностей смены одних детерминант поступков на прямо противоположные на основе включения сознания в реализацию тех побуждений, которые возникают бессознательно. Тогда появится возможность управления и самоуправления процессом

подготовки бывшего преступника к получению свободы лишь в том случае, когда он действительно принял нормы безопасного для окружающих людей поведения. В ином случае его пребывание в местах заключения должно продолжиться. Исходя из такого подхода к наказаниям, исчезает необходимость определения в суде срока ограничения свободы. Судья только определяет саму необходимость разного ограничения свободы. Период пребывания в заключении зависит от самого преступника. Чем активнее он занимается преобразованием своих потребностей, целей, ценностных ориентаций и установок в соответствии с требованиями норм права и морали, тем быстрее получает свободу уже подлинно человеческой, а не дикой, животной в значительной мере жизнедеятельности. Осуществляется переход от традиционного наказания, осуществляемого на основе мести со стороны социума, к такому, когда сама личность определяет возможность быть принятым обществом как равноправного его члена.

Русакова О.Ф.

г. Екатеринбург

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ

Политика памяти, если говорить кратко, представляет собой продуманную систему форм и способов политизации прошлого в целях управления коллективной исторической памятью народа.

Понятие «политика памяти» впервые было введено в оборот во Франции для обозначения тесной взаимосвязи политики и способов интерпретаций прошлого. Главным теоретиком концепта политики памяти является Пьер Нора – автор многотомного исследования и бестселлера «Места памяти» (1984-1992).